

представляют собой социальную иерархию (пирамиду). Отличная иллюстрация переплетения обозначенных типов социальных взаимодействий – сюжет басни И. А. Крылова «Волк и ягненок», где волк сначала пытается обосновать свое притязание правовыми аргументами, а затем реализует силу.

В 2009 г. ученые-экономисты Д. Норт (лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г.), Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст выделили в истории человеческой цивилизации два социальных порядка – ограниченного и открытого доступа, которые укладываются в приведенные выше типы культуры социального взаимодействия.

Первый характеризуется господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей. Личные отношения между властными индивидами, – то, кто кем является и кто кого знает, – составляют основу функционирования общества (как констатируют авторы, «сегодня 85 % населения мира живут в порядках ограниченного доступа») [6]. Во втором – несмотря на то, что «личные отношения все еще значимы», широко распространены безличные социальные взаимоотношения, включая «верховенство права, защиту права собственности» [6].

Вряд ли можно согласиться с выводом авторов о том, что «еще два столетия назад не существовало порядков открытого доступа», поскольку на протяжении всей истории человечества имели место как правовые, так и не правовые типы социальных взаимодействий, это скорее вывод о времени проявления тенденции доминирования правовых взаимодействий в политической практике государств, добившихся на сегодняшний момент наибольших успехов в области экономического развития.

Отсюда, по характеру представлений людей о пределах допустимого и недопустимого поведения, которые реализуются в их взаимной деятельности по обмену материальными и нематериальными благами, все социальные взаимодействия включают два типа: правовые, т. е. основанные на праве, правовых началах – перечисленных выше принципах равенства, свободы воли, взаимозависимости, эквивалентности и общеобязательности; произвольные – основанные на положении в социальной иерархии, личном усмотрении властвующих индивидов, включая применение силы, нарушающие указанные правовые принципы.

Выделенным типам социальных взаимодействий соответствуют типы культуры социального взаимодействия – правовая и антиправовая (или правовой нигилизм).

Вячеслав Владимирович Гурьев

*Первый заместитель директора
Поволжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат экономических наук,
доцент*

Vyacheslav Vladimirovich Gur'ev

*Senior Deputy Director of Volga
Institute (the brunch) of the All-
Russian State University of Justice
(RLA (Russian Law Academy) of
the Ministry of Justice of Russia),
Candidate of Economic Science, Docent*

Правовая культура как фактор оптимизации государственно-правовой жизни общества

Legal Culture as a Factor Optimizing State-Legal Life of the Society

В современном мире происходят крупные изменения в системах и методах правового регулирования. При этом, как верно подметил профессор Ю. А. Тихомиров, «право не утрачивает своей роли и становится еще более мощным механизмом регулирования и формирования новых состояний в обществе и государстве. Во многом это связано с использованием понятия «правовое

пространство»... С его помощью появляется возможность анализа новых сфер правового регулирования с помощью разных правовых регуляторов и сохранения стабильности и гибкости правовых границ» [7, с. 4].

В то же время вполне очевидно, что закономерности развития правового пространства не могут быть раскрыты вне связи с государственным пространством и государственной властью. Иначе говоря, изучение и правового пространства, и деятельности разнообразных субъектов в его пределах с достаточной эффективностью может осуществляться лишь на основе диалектического сочетания смежных научных категорий.

В качестве такой категории теоретико-правового характера для понятия «единое правовое пространство» может выступить «государственно-правовая жизнь». Смежность данных категорий отмечается в научной литературе. При этом следует учитывать, что термин «правовое пространство» не в состоянии охватить весь комплекс государственно-правовых явлений, имеющих место в современном обществе. Да от него этого и не требуется. У него другие задачи и научно-познавательные возможности. Что же касается государственно-правовой жизни, то она и есть та социальная реальность и междисциплинарная категория, которая способна охватить всю сферу бытия государства и права со всеми позитивными и негативными их проявлениями.

Будучи включенным в правовую жизнь, государство становится юридически оформленным, реальным. Вне правовой жизни оно превращается в лишнюю смысловую абстракцию, оторванную от жизни общества формальность.

Изложенные выше доводы и наводят нас на мысль о существовании такой социальной реальности и научной категории, как государственно-правовая жизнь. По нашему мнению, государственно-правовая жизнь общества — это важнейший относительно самостоятельный срез правовой жизни, выражающийся преимущественно в соответствующих правовых актах, правообразующих и правореализационных правоотношениях, в непосредственном управлении, характеризующий специфику и уровень государственной организации данного общества, отношение субъектов к государству и праву, властным органам и должностным лицам, а также степень обеспеченности субъективных прав, свобод и законных интересов.

Что касается соотношения понятий и явлений «правовая культура» и «государственно-правовая жизнь», то между ними, бесспорно, много общего. И «государственно-правовая жизнь», и «правовая культура» — комплексные, в максимальной степени широкие понятия. Эти взаимосвязанные и взаимопереходящие категории охватывают собой множество юридических составляющих, отражают довольно объемные блоки бытия права, вбирают в себя разные формы его проявления.

Тем не менее «государственно-правовая жизнь» и «правовая культура» — самостоятельные юридические категории, каждая из которых имеет свои собственные характерные только для нее черты.

Главное в сущностном содержании правовой культуры — то, что она, будучи категорией аксиологической, отражает сложившийся на том или ином этапе развития общества уровень его качественного состояния. Однако было бы неправильным считать рассматриваемые категории равнозначными. Ведь «государственно-правовая жизнь» — это категория, которая охватывает абсолютно все государственно-правовые явления: и положительные, и отрицательные. Данная категория, собственно говоря, для того и вводится в научный аппарат, чтобы ликвидировать существующую неприемлемую ситуацию, когда в юридической науке нет категории, способной охватить всю сферу бытия государства и права. Как позитивные, так и негативные их проявления, конечно же, по своей природе и направленности различны. В то же время как те, так и другие безразличны и государству, и праву, а потому они — правовые, являются составляющими элементами единой юридической среды, сегментами правового пространства.

Категория «государственно-правовая жизнь» как раз и позволяет представить правовую действительность (всю — и позитивную, и негативную) в полной

мере объективно. Необходимость такого подхода очевидна, поскольку ценность и продуктивность одностороннего (сугубо позитивного) взгляда бесперспективна.

Правовая жизнь и правовая культура соотносятся как целое и часть. Правовая культура — более узкое понятие, которое охватывает только нечто позитивное, совершенное в сфере действия права. Правовая культура как социальная реалья и научная категория — составная часть реалии и категории «государственно-правовая жизнь».

Для того чтобы обеспечить оптимальный уровень качества государственно-правовой жизни, требуется обладающий особыми характеристиками субъект — без всякого преувеличения новый человек.

Получается, что поддержание качества государственно-правовой жизни на должном уровне возможно только при наличии достаточно высокого уровня правовой культуры рядовых граждан, должностных лиц, всего российского общества.

Чтобы решить задачу повышения правовой культуры общества и граждан, необходимо в качестве приоритетов правовой политики направить усилия на повышение уровня правосознания и позитивной правовой активности как всего общества, так и каждого гражданина. Фактически проблема сводится к необходимости совершенствования механизмов взаимодействия между государством и обществом, с одной стороны, и между государством, обществом и гражданами, — с другой. Данная проблема существенно актуализируется в условиях открытого общества, развития процессов мировой интеграции и глобализации.

Василий Владиславович Трофимов

*Начальник НИИ
государственно-правовых
исследований, профессор кафедры
теории и истории государства и
права Тамбовского
государственного университета
им. Г. Р. Державина, главный
редактор журнала
«Государственно-правовые
исследования», доктор юридических
наук, доцент*

Vasily Vladislavovich Trofimov

*Head of Research Institute of State
and Legal Studies, Professor of the
department of State and Law Theory
and History, Derzhavin Tambov State
University, Chief editor of the journal
«State and Law Researches», Doctor
of Legal sciences, Docent*

К проблеме выравнивания и синхронизации российской государственно-правовой политики в сфере научно-технологического развития на федеральном и региональном уровнях

To the Issue of Alignment and Synchronization of the Russian State-Legal Policy in the Sphere of Scientific and Technological Development on Federal and Regional Levels

Перед Россией как федеративным государством объективно возникает проблема обеспечения единства и целостности. Сильная и ответственная государственная власть, умная социально-экономическая политика, серьезное внимание к поддержанию положительной духовно-нравственной атмосферы в обществе во многом становятся определяющими и достаточными основаниями, чтобы проблему единства и целостности успешно решать, не допуская излишних центробежных тенденций и каких-либо иных энтропийных проявлений в государственно-федеративной системе.

Федеративное устройство государства — это более сложное, по сравнению с унитарным, строение территориально-политической организации общества, но вместе с тем на отдельных отрезках истории — необходимое и в немалой степени спасительное для государства как суверенной политической